Михаил Булгаков

Псалом

Псалом

Михаил Афанасьевич Булгаков

Аннотация
Михаил Булгаков. Псалом

Аннотация

Рассказ Булгакова — романтическая история о жизни трёх одиноких людей:

Женщина, от которой ушёл муж, а она всё надеется на его возвращение.

Её маленький сын, которому не хватает отца, и он постоянно бегает в гости к соседу.

Сосед, который угощает малыша чаем с конфетами и рассказывает ему сказки.

Только обретя внимание и понимание другого, человек становится по-настоящему счастливым и возвращается в яркую жизнь из серых сумерек тоски и одиночества.

Михаил Булгаков
Псалом

Первоначально кажется, что это крыса царапается в дверь. Но слышен очень вежливый человеческий голос:

— Можно войти?

— Можно, пожалуйста.

Поют дверные петли.

— Иди и садись на диван.

(От двери). — А как я по паркету пойду?

— А ты тихонечко иди и не катайся. Ну-с, что новенького?

— Ницево.

— Позвольте, а кто сегодня утром ревел в коридоре?

(Тягостная пауза). — Я ревел.

— Почему?

— Меня мать наслепала.

— За что?

(Напряженная пауза). — Я Сурке ухо укусил.

— Однако.

— Мама говорит, Сурка — негодяй. Он дразнит меня, копейки поотнимал.

— Все равно, таких декретов нет, чтоб из из-за копеек уши людям кусать.

Ты, выходит, глупый мальчик.

(Обида). — Я с тобой не возусь.

— И не надо.

(Пауза). — Папа приедет, я ему сказу. (Пауза). — Он тебя застрелит.

— Ах, так! Ну, тогда я чай не буду делать. К чему? Раз меня застрелят…

— Нет, ты цай делай.

— А ты выпьешь со мной?

— С конфетами? Да?

— Непременно.

— Я выпью.

На корточках два человеческих тела — большое и маленькое. Музыкальным звоном кипит чайник, и конус жаркого света лежит на странице Джером Джерома.

— Стихи-то ты, наверно, забыл?

— Нет, не забыл.

— Ну, читай.

— Ку… Куплю я себе туфли…[1]

— К фраку.

---

[1] Примечания: 1

Булгаков использует слова из песни А. Н. Вертинского (1889–1957) «Это все, что от Вас осталось» (1918):

Вот в субботу куплю собаку,
Буду петь по ночам псалом,
Закажу себе туфли к фраку…
Ничего. Как-нибудь… проживем.

— К фраку, и буду петь по ноцам…
— Псалом.
— Псалом… и заведу… себе собаку…
— Ни…
— Ни-це-во-о…
— Как-нибудь проживем.
— Нибудь как. Пра-зи-ве-ем.
— Вот именно. Чай закипит, выпьем, проживем.
(Глубокий вздох). — Пра-зи-ве-ем.

Звон. Джером. Пар. Конус. Лоснится паркет.

— Ты одинокий.

Джером падает на паркет. Страница угасает.

(Пауза). — Это кто же тебе говорил?
(Безмятежная пауза). — Мама.
— Когда?
— Тебе пуговицу когда присивала. Присивала. Присывает, присывает и говорит Натаске…
— Тэк-с. Погоди, погоди, не вертись, а то я тебя обварю… Ух!..
— Горяций, ух!
— Конфету какую хочешь, такую и бери.
— Вот я эту больсую хоцу.
— Подуй, подуй и ногами не болтай.

(Женский голос за сценой). — Славка!

Стучит дверь. Петли поют приятно.

— Опять он у вас. Славка, иди домой!
— Нет, нет, мы с ним чай пьем.
— Он же недавно пил. (Тихая откровенность). — Я… не пил.
— Вера Ивановна. Идите чай пить.
— Спасибо, я недавно…
— Идите, идите, я вас не пущу…
— Руки мокрые… белье я вешаю…
(Непрошеный заступник). — Не смей мою маму тянуть.
— Ну, хорошо, не буду тянуть… Вера Ивановна, садитесь…
— Погодите, я белье повешу, тогда приду.
— Великолепно. Я не буду тушить керосинку.
— А ты, Славка, выпьешь, иди к себе. Спать. Он вам мешает.
— Я не месаю. Я не салю.

Петли поют неприятно. Конусы в разные стороны. Чайник безмолвен.

— Ты уже спать хочешь?
— Нет, я не хоцу. Ты мне сказку расскази.
— А у тебя уже глаза маленькие.

— Нет. Не маленькие, расскажи.

— Ну, иди сюда, ко мне. Голову клади. Так. Сказку? Какую же тебе сказку рассказать? А?

— Про мальчика, про того…

— Про мальчика? Это, брат, трудная сказка. Ну, для тебя, так и быть. Ну-с, так вот, жил, стало-быть, на свете мальчик. Да-с. Маленький, лет так приблизительно четырех. В Москве. С мамой. И звали этого мальчика Славка.

— Угу… Как меня?

— Довольно красивый, но был он, к величайшему сожалению, — драчун. И дрался он чем ни попало — кулаками, и ногами, и даже калошами. А однажды на лестнице девочку из 8-го номера, славная такая девочка, тихая, красавица, а он ее по морде книжкой ударил.

— Она сама дерется…

— Погоди. Это не о тебе речь идет.

— Другой Славка?

— Совершенно другой. На чем, бишь, я остановился? Да… Ну, натурально, пороли этого Славку каждый день, потому что нельзя же, в самом деле, драки позволять. А Славка все-таки не унимался. И дошло дело до того, что в один прекрасный день Славка поссорился с Шуркой, тоже мальчик такой был, и, недолго думая, хвать его зубами за

ухо, и пол-уха — как не бывало. Гвалт тут поднялся, Шурка орет, Славку порют, он тоже орет… Кой-как приклеили Шуркино ухо синдетиконом, Славку, конечно, в угол поставили… И вдруг — звонок… И является совершенно неизвестный господин с огромной рыжей бородой и в синих очках и спрашивает басом: «А позвольте узнать, кто здесь будет Славка?» Славка отвечает: «Это я Славка». — «Ну, вот что, — говорит, — Славка, я — надзиратель над всеми драчунами, и придется мне тебя, уважаемый Славка, удалить из Москвы. В Туркестан». Видит Славка, дело плохо, и чистосердечно раскаялся. «Признаюсь, — говорит, — что дрался, я и на лестнице играл в копейки, и маме бессовестно наврал — сказал, что не играл… Но больше этого не будет, потому что я начинаю новую жизнь». — «Ну, — говорит надзиратель, — это другое дело. Тогда тебе следует награда за чистосердечное твое раскаяние». И немедленно повел Славку в наградной раздаточный склад. И видит Славка, что там видимо-невидимо разных вещей. Тут и воздушные шары, и автомобили, и аэропланы, и полосатые мячики, и велосипеды, и барабаны. И говорит надзиратель: «Выбирай, что твоя душа хочет». А вот что Славка выбрал, я и забыл…

(Сладкий, сонный бас). — Велосипед!..

— Да, да, вспомнил — велосипед. И сел немедленно Славка на велосипед и покатил прямо на Кузнецкий мост. Катит и в рожок трубит, а публика стоит на тротуаре, удивляется: «Ну и замечательный же человек этот Славка. И как он под автомобиль не попадет?» А Славка сигналы дает и кричит извозчикам: «Право держи!» Извозчики летят, машины летят, Славка нажаривает, и идут солдаты и марш играют, так что в ушах звенит…

— Уже?..

Петли поют. Коридор. Дверь. Белые руки, обнаженные по локоть.

— Боже мой. Давайте, я его раздену.

— Приходите же. Я жду.

— Поздно…

— Нет, нет… И слышать не хочу…

— Ну хорошо.

Конусы света. Начинает звенеть. Выше фитили. Джером не нужен — лежит на полу. В слюдяном окне керосинки — маленький радостный ад. Буду петь по ночам псалом. Как нибудь проживем. Да, я одинокий. Псалом печален. Я не умею жить. Мучительнее всего в жизни — пуговицы. Они

отваливаются, как будто отгнивают. Отлетела на жилете вчера одна. Сегодня одна на пиджаке и одна на брюках сзади. Я не умею жить с пуговицами, но я все вижу и все понимаю. Он не приедет. Он меня не застрелит. Она говорила тогда в коридоре Наташке: «Скоро вернется муж, и мы уедем в Петербург». Ничего он не вернется. Он не вернется, поверьте мне. Семь месяцев его нет, и три раза я видел случайно, как она плачет. Слезы, знаете ли, не скроешь. Но только он очень много потерял от того, что бросил эти белые, теплые руки. Это его дело, но я не понимаю, как же он мог Славку забыть.

Как радостно спели петли.

Конусов нет. В слюдяном окошке — черная мгла. Давно замолк чайник. Свет лампы тысячью маленьких глазков глядит сквозь реденький сатинерт.

— Пальцы у вас замечательные. Вам бы пианисткой быть.

— Вот поеду в Петербург, опять буду играть.

— Вы не поедете в Петербург… У Славки на шее такие же завитки, как и у вас… А у меня тоска, знаете ли. Скучно так, чрезвычайно как-то. Жить невозможно. Кругом пуговицы, пуговицы, пуго…

— Не целуйте меня… не целуйте… мне нужно уходить… Поздно…

— Вы не уйдете. Вы там начнете плакать. У вас есть эта привычка.

— Неправда. Я не плачу. Кто вам сказал?

— Я сам знаю. Я сам вижу. Вы будете плакать, а у меня тоска… тоска…

— Что я делаю… что вы делаете…

Конусов нет. Не светит лампа сквозь реденький сатинет. Мгла. Мгла.

Пуговиц нет. Я куплю Славке велосипед. Не куплю себе туфли к фраку, не буду петь по ночам псалом. Ничего, как нибудь проживем.

1923